

Dmitriy PANTO

Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku, Polska

Viktor BILOTAS

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Сообщение курата Иустина Бонавентуры Пранайтиса о состоянии Туркестанского прихода на ноябрь 1915 года

РЕЗЮМЕ. Рукописный оригинал публикуемого письма священника И. Б. Пранайтиса епископу Яну Цепляку хранится в личном деле первого, в фонде № 826 Российского государственного исторического архива (РГИА). Это сообщение выделяется среди других документов дела тем, что содержит информацию не о частном единичном вопросе (переезде, назначении, жалобе, стройке и т. п.), а является обзором ситуации во всем обширнейшем Туркестанском приходе по состоянию на ноябрь 1915 года.

В письме сообщается о прибытии в Туркестан в 1915 году значительного числа переселенцев по причине военных действий на западе империи, о высокой смертности среди них и недостатке капелланов, о священниках-военнопленных на территории прихода, о деятельности Комитетов помощи пострадавшим от войны, о строительстве храма и о планах по учреждению сибирской епархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иустин Бонавентура Пранайтис (1861–1917), Ян Феликс Цепляк (1857–1926), Туркестан, беженцы Первой мировой войны, военнопленные.

Автор и адресат

Автор текста, по всем признакам, – Иустин Бонавентура Пранайтис (1861–1917)¹, уроженец Августовской губернии, который с 1902² по 1917 год руководил римско-католическим приходом Туркестана³, включавшего в тот период все среднеазиатские территории, захваченные Российской империей к концу 19 века⁴. Личное посещение пастырских пунктов прихода, участие в деятельности комитета помощи пострадавшим от войны и регулярная переписка с прихожанами из разных городов делают курата Пранайтиса одним из ценнейших свидетелей событий, происходивших с католиками Туркестана в первые десятилетия 20 века⁵. Находясь в Ташкенте, И. Пранайтис оставил о себе противоречивые воспоминания, от оптимистических⁶ до крайне враждебных – обвинений в антипольской позиции, которая приводила, по мнению

¹ Justinas Bonaventura Pranaitis (Pranajtis, Pranajtys), римо-католический священник, преподаватель древне-еврейского языка, миссионер, автор множества научных и публицистических текстов. Родился 27 июля 1861 года в приходе Гришкабудис Августовской губернии. В Сейнскую духовную семинарию поступил в 1878 году, по окончании которой был направлен в Петербургскую духовную академию. Рукоположен в 1886 году и продолжил преподавательскую деятельность в той же академии. В 1902 году назначен настоятелем в Туркестан, где служил до 1916 года, организовал строительство нескольких храмов и часовен. В 1912–1913 годы участвовал в громком процессе Бейлиса в качестве эксперта. Умер в Петрограде (Санкт-Петербурге) 28 января 1917 года, похоронен в Туркестане. Ольга Витальевна Лисицкая, *История католических общин в Туркестане (Вторая половина XIX века – 1917 год)* (Ташкент, 2004); Andrzej Majdowski, *Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim: Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa* (Warszawa, 2001), 250–251. Биография и библиография И. Б. Пранайтиса представлены в Michael Hagemeister, Pranaitis, «Justinas (Justinus Bonaventura)», in *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*, XXI: 1221–1226 (Nordhausen, 2003).

² Туркестанские ведомости 67 (1902), так освещали данную номинацию: «По сообщению митрополита моголевского, въ Туркестанский край назначенъ римско-католический священникъ, профессоръ римско-католической духовной академии въ Петербурге и законоучитель римско-католическаго вероисповедания въ военно-учебныхъ заведенияхъ Петербурга, магистра богословия И.Б. Пранайтисъ».

³ До 1902 года Ташкент и весь Туркестанский край находился в юрисдикции Омского прихода. С 1902 до 1918 года митрополия в Петербурге признавала Ташкент самостоятельной церковной территорией, и лишь в 1918 году решением архиепископа Эдуарда фон Роппа окончательно наименована ташкентским приходом или туркестанским деканатом.

⁴ Только в самом Ташкенте, без военных в 1901 году было 923 католика. *Путеводитель по Туркестану*, под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова (Санкт-Петербург, 1903), 352–353.

⁵ Краткий исторический обзор этого священника о Туркестанском и других азиатских приходах также хранится в РГИА и был опубликован в Viktor Bilotas, ««Сибирь в церковном отношении» И.-Б. Пранайтиса», *Soter* 72 (2019), 59–61.

⁶ «Książd Pranajtis był z pochodzenia Żmudzinem. Nie uważał się za Polaka. W swej działalności na terenie Turkiestanu miał on na względzie przede wszystkim swe obowiązki kapłańskie i w tym kierunku wykazał bardzo dużo inicjatywy. Zawdzięczając niespożytej swej energii objeżdżał on cały Turkiestan i docierał nawet do odległego, nie mającego wówczas połączenia kolejowych Termezu (nad granicą afgańską) i do dzikiego Pamiru, gdzie w oddziałach straży granicznej było zazwyczaj kilkudziesięciu Polaków». *Polacy w Turkiestanie w okresie wojny światowej* (Warszawa, 1931), 40.

части прихожан, к разложению католической общины Ташкента⁷. Материалы личного дела священника проливают свет на причины его продолжительного конфликта с этой группой прихожан – членами Польского комитета помощи пострадавшим от войны (они же руководили приходским благотворительным обществом). После разбирательства епископ Цепляк, поляк и полонофил, встал на сторону Пранайтиса и опроверг наговоры оппонентов⁸.

Имя адресата не упоминается в документе, но это определено епископом Ян Феликс Цепляк (1857–1926), судя по дате, адресу и отсылке в тексте письма к первой для России азиатской епископской визитации 1909 года: «*Wasza Ekscellencja pierwszy z biskupów błogosławił naszą biedną Azyję. Sam widział naszą nędzę duchową...*». Именно Ян Цепляк, рукоположенный в епископы в 1908 году и посетивший Сибирь в 1909 году, руководил обширнейшей Могилевской архиепархией с 06.08.1914 по 02.12.1917 года в качестве апостольского администратора. Естественно, с началом Первой мировой войны одной из главных его задач была забота о беженцах и военнопленных, прибывавших на территорию архидиоцеза.

Исторический контекст

Значительная часть беженцев, двинувшихся в глубь Российской империи, были по вероисповеданию католиками. Поэтому поводу епископ Цепляк написал в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий, следующее: «Имею честь сообщить Департаменту что с прибытием первых беженцев – католиков во вверенную мне Епархию, я предложил всем настоятелям приходов в которых будут появляться беженцы позаботиться об обслуживании их религиозных нужд прибегая к помощи ксендзов беженцев которым мною были предоставлены одновременно необходимые духовные полномочия»⁹. Таким образом, численный состав католиков за Уралом во время Первой мировой войны значительно увеличился. Для опеки над беженцами при Центральном Обывательском Комитете была организована Комиссия по духовной опеке. Согласно

⁷ «Jednakże niechętnie Polakom proboszczowie Litwini, ks. Pronajtis (stosunek ks. Pronajtisa do Polaków już i dawnej wywoływał oburzenie. Od zarządu sprawami parafialnymi starał się on Polaków odsunąć, choć budowa kościoła odbywała się przeważnie ich kosztem; posuwał się w niechęci ku nim tak dalece, że nawet nie odczytał w kaplicy listu biskupiego, traktującego o Polsce po ogłoszeniu jej niepodległości), a później jego następcą Rutenis...». *Polacy w Turkestanie w okresie wojny światowej* (Warszawa, 1931), 91.

⁸ РГИА, Ф. 826, Оп. 1, Д. 1439, Л. 122–122об.

⁹ РГИА, Ф. 826, Оп. 1, Д. 2276, Л. 19.

циркуляру комиссии, от 5 декабря 1915 года, подписанного епископом Цепляком, на каждые 5 000 человек должны иметь духовную опеку капеллана¹⁰.

Перемещались не только простые верующие: часто с ними были священники-капелланы, которые поддерживали их моральный дух. Согласно данным, в Могилевской архиепархии было 276 священников-беженцев¹¹. Ситуация священников-капелланов в некоторых случаях была даже лучше, чем ситуация сибирских настоятелей. Так, например, настоятель обычного сибирского прихода получал от 20 до 50 рублей, а капелланы – по 150 рублей в месяц¹². Данные средства и командировочные расходы для капелланов, которые должны были заниматься душепопечительской работой среди беженцев, выделялись из государственного бюджета. Капелланы выбирались как из местных священников, так и из священников-беженцев. Понятное дело, что без позволения архиепископа таких действий Комитет не мог себе позволить, поэтому назначения комитет проводил только после консультации с епископом Цепляком, который занимался поиском священников для опеки над беженцами. Таким образом, на долю новообразованных сибирских деканатов легла ответственность в принятии всех этих католиков и в организации для них не только бытовых условий, но и обеспечения духовной опеки. Епископ Цепляк лично обращался к настоятелям с просьбой: «в виду сего я прошу Вас настоятели и заведующих церквями, которые пожелали бы взять за содействие и помощь при требоисполнениях представить одному или нескольким представленным священникам кров и пропитание об этом меня незамедлительно уведомить»¹³.

Стоит отметить, что для обслуживания собственных приходов у деканов не хватало священников и молитвенных домов, что уж говорить о том, как как ситуация усложнилась после прибытия такого количества верующих в местные приходы. В ситуациях, когда не хватало священников, были назначены активные представители общины, которые старались в силу своих возможностей заботиться о духовном развитии беженцев. Министерство старалось заботиться об удовлетворении нравственных потребностей беженцев, которые после опыта войны и лишений нуждались в моральной и духовной поддержке. Поэтому 20 ноября 1915 г. Министерством внутренних дел было выдано распоряжение предписывавшее местным властям в местах массового скопления католиков, в чрезвычайных и не терпящих отлагательства обстоятельствах, выдавать с соблюдением предосторожности разрешения на устройство временных помещений для совершения богослужений по римско-католическому обряду¹⁴.

¹⁰ «*Bez sądu, Świadków i prawa ...*» *Listy z więzień, łagrów i zesłania do Delegatury PCK w Moskwie 1924–1937*, pod redakcją R. Dzwonkowskiego (Lublin, 2002), 68.

¹¹ Antoni Około-Kuśak, *Kościół w Rosji dawnej, obecnie i w przyszłości* (Kraków, 1928), 23.

¹² Około-Kuśak, *Kościół w Rosji dawnej*, 24.

¹³ РГИА, Ф. 826, Оп. 1, Д. 2223, Л. 1–1 об.

¹⁴ Татьяна Геннадьевна Недзелюк, *Римско – католическая церковь в 1881–1917 гг.* (Новосибирск, 2001), 65.

Расселившиеся по просторам Сибири и Азии беженцы не имели финансовых средств, чтобы посетить крупные города, в которых могли участвовать в богослужениях. Ян Зелинский в своем отчете подчеркивал, что настоятели приходов едва справлялись в крупных городах с массой верующих, и у них не было возможности посещать отдаленные деревушки¹⁵.

Уже в 1915 г. были назначены первые священники-капелланы которые занимались душепастырской работой среди беженцев: отец Иосиф Пужинский (Пуржицкий?)¹⁶, отец Юлиан Юркевич¹⁷ и отец Петр Кубилюс. Отец Иосиф начал свою работу в Кургане, отец Юлиан – в Новониколаевске, а отец Петр был направлен в Семипалатинск, впоследствии его полномочия были расширены на весь Омский приход. После очередных военных катастроф на фронте, в Сибири оказалось большое количество священников-беженцев. После того, как они получали разрешение от Комитета и благословение на деятельность от епископа, сразу же приступали к работе. Одними из первых священников-беженцев были отец Мечислав Домбровский, начавший служение в Ишиме, в Келлеровке остановился отец Никодим Раштулис¹⁸, в Томске – отец Иосиф Станкевич и Казимир Ясась¹⁹. До сих пор остаётся невыясненным, в каких формальных отношениях находились священники-капелланы и местные настоятели. Трудно сказать, помогали ли капелланы в сибирских приходах или занимались только беженцами. Скорее всего, священники старались оказывать другу братскую помощь, но, к сожалению, прямых данных, указывающих на такие отношения, в приходе не удалось найти. Однако достоверно известно, что присутствие священников-беженцев положительно влияло на развитие западносибирских католических приходов. Зачастую прибывшие священники получали разрешение на преподавание Закона Божьего в учебных заведениях, например отец Юлиан Юркевич в Новониколаевске, либо прибывшие священники назначались на

¹⁵ Marek Mądzik, «Działalność Polskiego Towarzystwa Pomocy ofiarom wojny na Syberii w latach I Wojny światowej», in *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego* *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego*, pod red. naukową A. Kuczyńskiego (Wrocław, 1998), 301.

¹⁶ Отец Иосиф Пужинский (в других источниках – Пуржицкий) родился в 1874 г. В 1912 после окончания петербургской Духовной семинарии, был рукоположен в священники. После рукоположения работал в Минской губернии. С 1915 по 1919 служил капелланом в Кургане. С 1919 по 1922 исполнял функции настоятеля в Ново – Николаевске. После 1922 г. служение в Виленской архиепархии. (РГИА, Ф. 826, Оп. 1, Д. 2223, Л. 3–4.)

¹⁷ Отец Юлиан Юркевич родился в 1887 г. Был военным беженцем из Виленской губернии. С 1915 по 1920 гг. занимался духовной опекой над беженцами вначале в Калужской губернии, после чего в губернии Томской. С 1920 по 1922 исполнял функции капеллана в Тайге, будучи в это же время настоятелем в Мариинске. После 1922 г. служение в Виленской архиепархии. (РГИА, Ф. 826, Оп. 1, Д. 2223, Л. 3–4.)

¹⁸ Отец Никодим был родом из Жемайтской епархии.

¹⁹ Mariusz Korzeniowski & Marek Mądzik, «Duchowieństwo rzymskokatolickie w akcji pomocy uchodźcom polskim na Syberii w latach I wojny światowej», in *Kościół katolicki na Syberii. Historia. Współczesność. Przyszłość* (Wrocław, 2002), 421.

должность настоятелей только что образованных приходов, так как это было в случае Мечислава Домбровского²⁰.

Избранным и назначенным на должность капелланам епископ наказывал встречать верующих на железнодорожных станциях, дабы во время остановок нести помощь и утешение. Ян Цепляк отмечал: «было бы прекрасно если бы вы дорогие священники были настоящими пастырями своего стада и старались всеми силами помочь беженцам во время их перемещения от станции до станции». Одновременно ординарий просил священников всячески помогать Комитету в составлении списков беженцев, обращая внимания, на то что они являются будущими прихожанами. При встрече с прихожанами Архипастырь просил помочь им в организации домов молитвы, при этом обращаясь с просьбой к беженцам, дабы они во время отсутствия священника сами организовали себе молитвы в часовне²¹. Таким образом было организовано душепопечительское служение для беженцев в Западной Сибири и Средней Азии.

Содержание документа

Письмо епископу начинается и заканчивается стандартными фразами, а основной текст содержит следующие известия. Во-первых, сообщается о прибытии в Туркестан в 1915 году значительного числа переселенцев по причине военных действий на западе империи, о высокой смертности среди них и недостатке пастырей.

Именно о капелланах для нескольких городов с большим количеством беженцев и просит Пранайтис у Епископа. В представлении курата капелланы должны прибыть с переносными дорожными алтариками и обеспеченные регулярным пособием. Новых священников Пранайтис просит присылать сначала к нему для собеседования и распределения по пастырским пунктам, и деньги этих пастырей просит присылать также ему, чтобы организовать питание и жилье прибывающим помощникам, а прихожан стимулировать к пожертвованиям безденежному духовенству. Более того, курат просит об юрисдикции самостоятельно перемещать священников по Туркестану. Вышесказанное вкупе с настойчивым побуждением активизировать усилия по образованию Сибирской епархии может уподоблять на надежды, амбиции Пранайтиса возглавить этот новый диоцез.

В сообщении содержится и уникальное свидетельство туркестанского курата о священниках-военнопленных на территории его прихода. Они, по словам Пранайтиса, увезли все его принадлежности для богослужений и переправляются властями с места на место. В документе указано несколько имен этих

²⁰ РГИА, Ф. 826, Оп. 1, Д. 2276, Л. 30.

²¹ «Bez sądu, Swiadków i prawa ...», 69–71.

пастырей латинского и греческого обрядов, некоторые детали об их пребывании в регионе, о пастырском служении.

В письме есть информация и о деятельности Комитетов помощи пострадавшим от войны: о визитаторе Korwin Wierzbicki и капеллане Иоанне Довнаре, беженце из Сейнской епархии²². Наконец, курат сообщает о строительстве храма, приближающемся к завершению, но еще требующему значительных затрат. Эта тема упоминается как бы вскользь, всего в двух предложениях, но ее расположение в конце текста и эмоциональное выражение о значении каждого гроша на этот проект позволяет предполагать его приоритетность для писавшего. Это объяснило бы и частоту возвращений автора письма к теме финансов.

Письмо публикуется в соответствии с оригиналом, в том числе, с сохранением авторской пунктуации. Нечитаемые места текста и дешифрованные сокращения оформлены согласно правилам издания источников.

РГИА Ф. 826, Оп.1, Д. 1439, Л. 90–93. Рукопись

Excellentissime.

Tylko wczoraj dowiedzieliśmy się z gazet, ilu i gdzie w naszym kraju mamy nieszczęśliwych wysiedleńców²³. Wycinek z „Туркестанскихъ Ведомостей” załączam. Ilu wśród nich jest katolików, nie wiadomo²⁴. Dziś wyjeżdża z Taszkientu w celu zliczenia katolików rozrzuconych po wszystkich punktach Turkiestanu, a później sprowadzenia ich do tutejszego punktu centralnego, p[an] Korwin Wierzbicki niedawno przybyły z Piotrogradu delegat Komitetu Polskiego. [90v] O ile mu się to uda, trudno powiedzieć. W każdym razie to nastąpi nieprędko. A teraz właśnie ci biedacy potrzebują najwięcej pomocy i pociechy religijnej. Mrą jak muchy. Jeżeli taka śmiertelność potrwa i dalej, niewielu z przybyłych tutaj wróci do kraju. Wobec tego prosiłbym bardzo Waszą Ekscelencję o przysłanie kapelanów przynajmniej do główniejszych punktów, do Aszchabadu, Merwu, Samarkandy, Skobielewa²⁵ i Aulieata²⁶. Przydaliby się takowi i w Kizil-Argwacie (gdzie jest kościół i plebania przy kościele)²⁷, Czardzuja,

²² Довнар Иоанн – Daunoras Jonas (1856–1921), из крестьян, шесть лет учился в Мариампольской гимназии, затем с 1875 года – в Сейнской духовной семинарии. Рукоположен в священники 01.02.1880 и служил до 1915 года в нескольких приходах Сейнской епархии. В 1915 году находился в Ташкенте. Умер в Вейсейя (Veisiejai) в 1921 году.

²³ Первое благотворительное общество при Ташкентском храме было основано в октябре 1914 года. *Polacy w Turkiestanie w okresie wojny światowej* (Warszawa, 1931), 44.

²⁴ Из источников известно, что в Туркестанском крае во время Первой мировой войны находилось около 70 тысяч католиков (военнопленных и беженцев). Andrzej Majdowski, *Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja środkowa* (Warszawa, 2001), 245.

²⁵ Современное название – Фергана.

²⁶ Аулие-Ата.

²⁷ Строительство храма в честь св. Экспедита началось в 1905 году, а в следующем 1906 готовое здание уже было освещено. По причине прибытия в город большого количества католиков в 1915 году территорию вокруг храма расширили, вероятно, планировалось увеличение сакрального здания. Andrzej Majdowski, *Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim*, 262.

Kokandzie, Andyzanie i Perowsku. Tylko wszyscy powinni by mieć swoje podrózne ołtarzyki i pensję, z której by się mogli utrzymać. [91]

Moje wszystkie utensylie powywozili z sobą księża niewolnicy. Ci ostatni obecnie przerzucani są z miejsca na miejsce i traktowani są na równi ze wszystkimi jeńcami. Żadnymi z nich nie pozwolono ostatnimi czasy mieszkać przy kościołach. A to wskutek ich nieostrożności w mowie i postępowaniu. Jeden z nich, ks. Rużyczka w Aschabadzie próbował uciekać i podobno już złapany został w Persyi, i teraz trzymany w więzieniu. Ks. Cepuder za impertynencyje został wyrzucony z Czardzują aż do Fortu-Aleksandrowskiego. Ks. Boscarolli z Merwu naprzód do Skobielewa, a stamtąd za kilka dni powędruje do Gulczy pod sam Pamir. Ten za swoją gorliwość i ujmowanie się za krzywdzonymi współwięźniami. [91v] Ks. Vesely ze Skobielewa do Kazalińska nie wiem za co. Może za to, że ciągle przed wszystkimi wyrzeka na swój los (i na mnie, że ja nie wystarałem się powrotu ze Skobielewa nazad do Taszkientu!). Kiedy się dowiedział, że wkrótce będzie musiał opuścić Skobielew, zaprzestał spełniać wszelkie funkcyje religijne. Nie odprawiają Mszy Św. on i ks. Cepuder. – W Skobielewie jest jeszcze jeden Ks[iądz] Unita, ale nie może odprawiać Mszy Św. w swoim obrządku, bo nic z sobą niema. Najpotrzebniejszy jest dlań Mszał unijacki. Drugi ksiądz unita z Perowska przewieziony został nazad do Kijowa.

Przeznaczonych do Turkiestanu [92] poproszę Waszą Ekscellencję przysłać wprzód do Taszkientu. Z rozmowy z nimi zobaczę, któren do jakiego miejsca jest odpowiedniejszy. Poproszę też o jurysdykcyję translokowania ich w razie potrzeby z jednego miejsca do drugiego. I pieniądze na utrzymanie księży raczy Wasza Ekscellencja wysłać na moje ręce. Będę sam ich lokował i stołował, i wszystkie ich potrzeby zaopatrywał. Tym sposobem może mi się uda poruszyć do składek na Kościół te szczególnie miasta, które o księdza wciąż się dopominają, a na Kościół nic nie dają.

Do kapelanów proszę zaliczyć i naszego ks. Downara i na jego utrzymanie cokolwiek przeznaczyć. Płaci mu wprawdzie Komitet tutejszy miesięcznie rs. 40, ale ta pensja [92v] rozchodzi się na codzienne jazdy do punktu uciekinierskiego i na inne potrzeby. A drożyzna wiktuałów obecnie niesłychana.

A może też i inne stowarzyszenia słowiańskie zechcą coś przeznaczyć na rozjazdy po punktach osiedlenia niewolników, Czechów, Słowaków, Słoweńców, do których teraz żaden kapłan niewolnik dojeżdżać nie może²⁸? Albo też zapłacić za lokowanie, karmienie i odziewanie w ciągu pół roku siedmiu kapłanów niewolników, wszystkich z wyjątkiem jednego Słowian²⁹? Każdy grosz teraz dla mnie przy budowie kościoła ma poczwórną wartość.

²⁸ Из источников известно, что в Самарканде военнопленных духовно окормляли словак Бакайза (Bakajza) и чех Рашек (Raszek). Ср. *Polacy w Turkiestanie w okresie wojny światowej* (Warszawa, 1931), 223.

²⁹ Неславянская фамилия только у о. Боскаролли.

Budowa dzięki Bogu posuwa się. Dziś wyszliśmy z ziemi z fundamentami. [93] To już 2/3 całej roboty betonowej skończone. Jutro zaczynamy wyprowadzać wieże³⁰.

Ks. Zygmunt³¹ obiecał wstąpić do Taszkientu, ale musiał gdzie się zaprzepaścić w Sybirze. Tam roboty było dużo zawsze, teraz chyba najwięcej. Czy nie dałoby się, Excellentissime, poruszyć sprawy syberyjskiej³², pokutującej w naszym departamencie od 1883 roku, w czasie obecnym, kiedy nasi panowie³³ łatwiejsi do ustępstw na rzecz Kościoła? Pisze ks. Rutenis³⁴, że znowu pozwolono na oratoria przy szkołach Św. Katarzyny³⁵. Wasza Ekscellencja pierwszy z biskupów błogosławił naszą biedną Azyję³⁶. Sam widział naszą nędzę duchową, od Niego też czekamy i dalszej specjalnej opieki nad nami.

Polecam się błogosławieństwu Pasterskiemu.

20.XI.1915

Taszkient

Ks. Pranajtis

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лисицкая, Ольга Витальевна. *История католических общин в Туркестане (Вторая половина XIX века – 1917 год)*. Ташкент, 2004.
2. Недзельюк, Татьяна Геннадьевна. *Римско – католическая церковь в 1881–1917 гг.* Новосибирск, 2001.
3. *Путеводитель по Туркестану*, под редакцией А. И. Дмитриева-Мамонова. Санкт-Петербург, 1903 г.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 826. Канцелярия римско-католических митрополитов.
5. *Туркестанские ведомости* 67 (1902).
6. «*Bez sądu, Świadców i prawa...*» *Listy z więzień, łagrów i zesłania do Delegatury PCK w Moskwie 1924 – 1937*, pod redakcją R. Dzwonkowskiego. Lublin, 2002.

³⁰ Вероятнее всего, речь о строительстве храма в Ташкенте.

³¹ В списках сибирских священников начала 20 в. не встречается имя Зигмунт, как и другая его форма – Сигизмунд. В европейской части Могилевской архиепархии ксендзов Сигизмундов тогда было шесть.

³² Здесь Пранайтис, видимо, пишет о попытках добиться разрешения императора на образование сибирского римско-католического диоцеза.

³³ Смягчение политики российских властей в отношении инославных церквей во время войны.

³⁴ Кс. Бронислав Рутенис (1884–1951), уроженец Багаславишек Виленской губернии, служил в Туркестане в 1907–1915 и 1917–1930 гг.

³⁵ Вероятнее всего, храм св. Екатерины в Санкт-Петербурге, Рутенис служил там викарием.

³⁶ Очевидно, Пранайтис пишет здесь о епископской визитации Сибири 1909 года, в которой и сам участвовал. Свои путевые заметки он сразу публиковал в газете: Pranaitis, Justinas. «Iš kelionės po Sibiriją», *Šaltinis* (1909) 23:363, 24:378, 33:523, 34:541–542, 35:556, 36:574, 37:589–590, 38:604–605.

7. Bilotas, Viktor. ««Сибирь в церковном отношении» И.-Б. Пранайтиса». *Soter* 72 (2019): 59–61.
8. Hagemester, Michael. «Pranaitis, Justinas (Justinus Bonaventura)». *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*. Band XXI:1221–1226. Nordhausen, 2003.
9. Katilius, Algimantas. «Pranaitis (Pranajytys) Justinas». *Lietuvos katalikų dvasininkai: istorinė biogramų duomenų bazė*. Просмотрено 05.02.2024. <https://lkma.lt/lddb/israsas.php?id=3789>.
10. Korzeniowski, Mariusz & Marek Mądzik. «Duchowieństwo rzymskokatolickie w akcji pomocy uchodźcom polskim na Syberii w latach I wojny światowej». *Kościół katolicki na Syberii. Historia. Współczesność. Przyszłość*, pod redakcją naukową A. Kuczyńskiego. Wrocław, 2002.
11. Majdowski, Andrzej. *Kościół Katolicki w Cesarstwie Rosyjskim: Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa*. Warszawa, 2001.
12. Mądzik, Marek. «Działalność Polskiego Towarzystwa Pomocy ofiarom wojny na Syberii w latach I Wojny światowej». *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego* *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego*, pod redakcją naukową A. Kuczyńskiego. Wrocław, 1998.
13. Około-Kułał, Antoni. *Kościół w Rosji dawnej, obecnie i w przyszłości*. Kraków, 1928.
14. *Polacy w Turkestanie w okresie wojny światowej. Praca zbiorowa*. Warszawa, 1931.
15. Pranaitis, Justinas. «Iš kelionės po Siberiją». *Šaltinis* (1909). 23:363, 24:378, 33:523, 34:541–542, 35:556, 36:574, 37:589–590, 38:604–605.

Gauta: 2024 02 06

Parengta: 2024 06 17

Dmitriy PANTO

Gdanskio Antrojo pasaulinio karo muziejus, Lenkija

Viktor BILOTAS

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

KURATO JUSTINO BONAVENTUROS PRANAİČIO PRANEŠIMAS APIE TURKESTANO PARAPIJOS BŪKLĘ 1915 METŲ LAPKRIČIO MĖNESĮ

S a n t r a u k a

Čia paskelbto kunigo J. B. Pranaičio laiško vyskupui Janui Ciepliakui originalas saugomas J. B. Pranaičio asmens byloje, Rusijos valstybiniame istorijos archyve (RGIA), fonde Nr. 826. Šis pranešimas iš kitų bylos dokumentų išsiskiria tuo, kad jame pateikiama informacija ne apie vieną reikalą (persikraustymą, paskyrimą, skundą, statybas ir pan.), bet apžvelgiama 1915 metų lapkričio mėnesio padėtis visoje didžiulėje Turkestanio parapijoje.

Laiške pranešama, kad 1915 m. į Turkestaną dėl karinių operacijų imperijos vakaruose atvyko daug imigrantų, rašoma apie didelį jų mirtingumą ir kapelionų trūkumą, apie kunigus-karo belaisvius parapijoje, apie komitetų nukentėjusiems nuo karo šelpti veiklą, apie bažnyčios statybą ir apie Sibiro vyskupijos steigimo planus.

RAKTAŽODŽIAI: Justinas Bonaventura Pranaitis (1861–1917), Janas Feliksas Ciepliakas (1857–1926), Turkestanas, Pirmojo pasaulinio karo pabėgėliai, karo belaisviai.

Dmitriy PANTO
Museum of The Second World War in Gdansk, Poland

Viktor BILOTAS
Vytautas Magnus University, Lithuania

REPORT FROM CURATE JUSTINAS BONAVENTURA PRANAİTIS ON THE STATE OF THE TURKESTAN PARISH AS OF NOVEMBER 1915

S u m m a r y

The handwritten original of the published letter from priest I. B. Pranaitis to Bishop Jan Tseplyak is kept in the personal file of the former, in fund No. 826 of the Russian State Historical Archive (RGIA). This message stands out among other documents of the case in that it contains information not about a private single issue (moving, appointment, complaint, construction, etc.), but is an overview of the situation in the entire vast Turkestan parish as of November 1915.

The letter informs about the arrival in Turkestan in 1915 of a significant number of immigrants due to military operations in the west of the empire, about the high mortality rate among them and the lack of chaplains, about priests-prisoners of war in the parish, about the activities of the Committees for Relief of War Victims, about the construction of a temple and about plans for the establishment of a Siberian diocese.

KEYWORDS: Justinas Bonaventura Pranaitis (1861–1917), Jan Felix Tseplyak (1857–1926), Turkestan, refugees of the First World War, prisoners of war.

ДМИТРИЙ ПАНТО – доктор исторических наук, изучал историю и философию в Люблинском католическом университете, в настоящее время является сотрудником научного отдела Музея Второй мировой войны в Гданьске. Секретарь Польско-Казахстанской исторической комиссии. Его научные интересы включают историю католической церкви в Российской империи и СССР, сталинский террор и депортации народов. Эл. почта d.panto@muzeum1939.pl, dmitriy.panto@gmail.com.

Dmitriy PANTO – istorijos mokslų daktaras. Studijavo istoriją ir filosofiją Liublino katalikų universitete, šiuo metu – Gdanskio Antrojo pasaulinio karo muziejaus Mokslų skyriaus darbuotojas, lenkų-kazachų istorikų komisijos sekretorius. Moksliniai interesai: Katalikų Bažnyčios Rusijos imperijoje bei SSRS istorija, Stalino teroras ir tautų deportacijos. El. paštas d.panto@muzeum1939.pl, dmitriy.panto@gmail.com.

Dmitriy PANTO – PhD, studied history and philosophy at Lublin Catholic University and now works as scientist at the Museum of The Second World War in Gdansk (Poland). Secretary of the Polish-Kazakh Historical Commission. Scientific interests: History of the Catholic Church in Russian Empire and History of SSRS, Stalin's terror and deportations of nations. E-mail d.panto@muzeum1939.pl; dmitriy.panto@gmail.com.

Виктор БИЛОТАС – PhD, исследователь в Центре истории Католической Церкви Литвы при университете Витаутаса Великого. Церковную историю изучал в Папском Григорианском университете и в университете Витаутаса Великого. Научные интересы: история Церкви, история литовцев в Сибири. Эл. почта viktor.bilotas@vdu.lt, vbilotas@gmail.com.

Viktor BILOTAS – PhD, Vytauto Didžiojo universiteto Lietuvos Katalikų Bažnyčios istorijos centro tyrėjas. Studijavo Bažnyčios istoriją Popiežiškajame Grigaliaus universitete ir Vytauto Didžiojo universitete. Moksliniai interesai: Bažnyčios ir lietuvių Sibire istorija. El. paštas viktor.bilotas@vdu.lt, vbilotas@gmail.com.

Viktor BILOTAS – PhD, researcher at Vytautas Magnus University of the Lithuanian Catholic Church History Center. He studied history at Pope Gregory University and at Vytautas Magnus University (Lithuania). Scientific interests: history of the Church and Lithuanians in Siberia. E-mail viktor.bilotas@vdu.lt, vbilotas@gmail.com.